

Чулковъ, можетъ быть, недостаточно использовать эффектъ контраста и почти не коснулся первыхъ болѣе счастливыхъ годовъ царствования Александра Второго. Въ Очеркахъ о Николаѣ Первомъ и Александрѣ Первомъ, а также о Павлѣ, матеріалы Чулкова болѣе общеизвестны, и освѣщеніе ихъ менѣе оригинально. И холодно-величавая фигура Николая Перваго, и образъ безумца на тронѣ намъ хорошо знакомы. Загадочность же личности Александра Перваго не раскрывается и по прочтеніи этой книги.

М. Цетлинъ.

Raoul Labry. Alexandre Ivanovic Herzen 1812-1870. Essai sur la formation et le développement de ses idées. Edition Bossard, Paris, 1928. Raoul Labry, Herzen et Proudhon. Collection historique de l'Institut d'études slaves, № 1.

Книги г Лабри представляютъ собою солидное приращеніе къ обильной литературѣ о Герценѣ Г. Лабри является давнимъ членомъ Французскаго Института въ Петроградѣ. Хорошо знакомый съ русской литературой по исторіи умственныхъ движеній въ русскомъ обществѣ, посвятившій много труда подробному изученію произведеній Герцена, ходу его философскихъ исканій и его политической дѣятельности, — г. Лабри задумалъ дасть въ первой изъ вышеназванныхъ книгъ не внѣшнюю, а внутреннюю біографію Герцена, прослѣдить эволюцію міровоззрѣнія Герцена въ его философскихъ основахъ и въ его практическихъ политическихъ выводахъ. Пристальное и детальное изученіе всѣхъ относящихся къ этой задачѣ матеріаловъ дало возможность автору выполнить эту задачу съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Его книга не просто увеличиваетъ собою еще на одинъ томъ бібліотеку многочисленныхъ изслѣдованій о Герценѣ; она бросаетъ свѣтъ на рядъ моментовъ въ эволюціи міровоззрѣнія Герцена, которые доселѣ не были вскрыты съ полною отчетливостью и это приводитъ автора къ установленію болѣе яснаго общаго духовнаго облика Герцена. Въ двухъ отношеніяхъ работа г. Лабри заслуживаетъ особаю вниманія. Во-первыхъ, онъ подвергаетъ критической проверкѣ показанія самого Герцена въ «Быломъ и Думахъ» о различныхъ моментахъ въ процессѣ формированія и развитія умственныхъ интересовъ и идей Герцена. Это очень важно, ибо автобіографическія показанія Герцена, ставшія ходячими и общепризнанными въ литературѣ, въ рядѣ случаевъ подлежатъ уточненію или даже исправленію путемъ сопоставленія ихъ съ другими известными намъ данными. Во-вторыхъ, разсматривая различные этапы въ эволюціи міровоззрѣнія Герцена, г. Лабри настойчиво отгѣняетъ и подчеркиваетъ ту основу его духовной жизни и его умственнаго міра, которая оставалась неизмѣнной при всѣхъ поворотахъ и зигзагахъ его умонастроенія.

Внимательно корректируя автобіографическія показанія Герцена въ «Быломъ и Думахъ», г. Лабри основательно доказываетъ, что Герценъ, говоря о своихъ раннихъ юношескихъ впечатлѣніяхъ отъ чте-

нія, неправильно затушевываетъ вліяніе на него Руссо; сношенія юнаго Герцена съ «химикомъ», — кузель Герцена, увлекавшійся естествознаніемъ, — и вліяніе «химика» на интересъ Герцена къ точнымъ наукамъ были болѣе длительны и постепенны, менѣе стремительны, нежели изображено въ «Быломъ и Думахъ»; пренебрежительные отзывы Герцена о пустотѣ университетскаго преподаванія въ Московскомъ университетѣ въ началѣ 30-хъ годовъ страдаютъ чрезвычайнымъ сгущеніемъ красокъ, въ доказательство чего г. Лабри даетъ живую картину броженія философскихъ идей среди тогдашней профессуры, захваченной идеологическими спорами въ связи съ успѣхами шеллингианства и романтизма въ кругахъ русскаго образованнаго общества; не точно представлена въ «Быломъ и Думахъ» и роль сенъ-симонизма въ формированіи идей Герцена. Подъ вліяніемъ позднѣйшихъ своихъ построеній Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» писалъ, что отъ сенъ-симонизма онъ взялъ въ годы своей молодости двѣ идеи: эмансипаціи женщины и реабилитаціи плоти Лабри показываетъ, что вліяніе сенъ-симонизма на формирование міровоззрѣнія молодого Герцена было гораздо шире и существеннѣе и касалось и отношеній Герцена къ христіанству и его философіи исторіи и зачатковъ его тяготѣнія къ социализму. Напротивъ того, именно вопросы женской эмансипаціи и реабилитаціи плоти стали уже позднѣе выдвигаться на болѣе видное мѣсто въ кругу основныхъ идей, захватывавшихъ вниманіе Герцена. Говоря о кризисѣ религиозныхъ настроеній Герцена и его переходѣ отъ религиозныхъ исканій къ полному атеизму, Лабри отвергаетъ обычное утвержденіе, что рѣшающимъ толчкомъ для Герцена послужило при этомъ знакомство съ книгою Фейербаха «Сущность христіанства» и защищаетъ то положеніе, что эту роль сыграла для Герцена «Феноменологія» Гегеля. Фейербахъ только утвердилъ выводы, извлеченные Герценомъ изъ Гегеля.

Не будемъ продолжать этихъ примѣровъ существеннаго корректированія обычныхъ представленій объ эволюціи міровоззрѣнія Герцена. Они разсыпаны по всей книгѣ г. Лабри и приведеннаго выше достаточно, чтобы оцѣнить ихъ серьезное значеніе. Къ этимъ отдѣльнымъ поправкамъ не сводится, однако, цѣнность разбираемой книги. Книга важна тѣмъ, что авторъ даетъ цѣльную общую картину духовной жизни Герцена, вытекающую изъ детальнаго разсмотрѣнія ея отдѣльныхъ моментовъ. Г. Лабри рѣшительно расходится съ той извѣстной характеристикой Герцена, которая дана въ книгѣ Леруа-Болье *L'empire des tsars* и которая совпадаетъ съ очень распространеными представленіями о Герценѣ. Леруа - Болье рисуетъ себѣ Герцена человекомъ, который весь былъ сотканъ изъ страстныхъ порывовъ, весь отдавался силѣ своей бурной импульсивности подъ вліяніемъ текущихъ переживаній, откуда и объясняются рѣзкіе зигзаги и смѣны въ его идеологическихъ построеніяхъ Лабри не отрицаетъ, конечно, этихъ зигзаговъ въ эволюціи міровоззрѣнія Герцена, но вся его книга посвящена доказательству того, что эти зигзаги тѣмъ не

менте нанизывались на некий устойчивый стержень, который придает определенное единство картинѣ бурного кипѣнія идей и чувствъ, наполнявшаго внутренней душевной мирѣ Герцена. Такимъ стержнемъ служило для Герцена — гегельянство, которому Герценъ остается вѣренъ до-конца, которое вскрывается въ основѣ и его позднѣйшихъ анархическихъ и народническо-соціалистическихъ устремлений.

Устанавливаемая г. Лабри схема эволюціи идей Герцена вкратцѣ сводится къ слѣдующему. Уже въ дѣтствѣ Герценъ проникается настроеніями свободолюбиваго протеста противъ жизненныхъ несправедливостей, наблюдая за положеніемъ крѣпостной прислуги въ домѣ его отца. Домашній учитель Маршалъ и Протопоповъ бросаютъ въ его душу сѣмена революціоннаго романтизма. Эти сѣмена даютъ дальнѣйшіе всходы подъ влияніемъ впечатлѣнія отъ событія 14 декабря 1825 г., подъ влияніемъ дружбы съ Огаревымъ и чтенія «Разбойниковъ» Шиллера, «Вергера» Гете и «Общественнаго договора» Руссо. Сближеніе съ «химикомъ» прибавляетъ къ его либеральному гуманизму глубокое осознаніе динамизма въ природѣ и внутренняго средства многообразныхъ природныхъ силъ. Поступивъ въ университетъ, Герценъ подъ влияніемъ увлекательныхъ лекцій Павлова получаетъ пристрастіе къ натурфилософіи, которая приводитъ его къ шеллингианству.

Июльская революція 1830 г. возбуждаетъ въ немъ критическое отношеніе къ либерализму, въ основѣ котораго онъ открываетъ политическій атомизмъ, не удовлетворяющій чувства соціальной справедливости. Тогда онъ съ усиленной энергіей предается начатому имъ еще до окончанія университетскаго курса ознакомленію съ французскими соціалистическими системами. Сенъ-симонизмъ, Фурье, Робертъ Оуенъ привлекаютъ къ себѣ его вниманіе. Отсюда онъ переходитъ къ евангелическому демократизму въ духѣ Леру, Ламменэ, Балланша Тюремное заключеніе, ссылка въ Вятку, любовь къ Наташѣ Захарьиной, знакомство съ мистически настроеннымъ Витбергомъ направляютъ его отъ религіознаго сентиментализма къ мистицизму, но — не надолго. Начавшееся еще въ ссылкѣ освобожденіе отъ мистическихъ настроеній завершается по возвращеніи въ Москву, когда онъ въ разгарѣ московскихъ идеологическихъ споровъ окончательно самоопредѣляется, рѣшительно примкнувъ къ лѣвому гегельянству. Но среди русскихъ лѣвыхъ гегельянцевъ, Герценъ выдѣлился тѣмъ, что философскую систему Гегеля онъ интерпретировалъ данными естественныхъ наукъ, отождествляя развитіе Идеи съ развитіемъ жизни. Если Гегель поднялся надъ противоположеніемъ идеализма и материализма, примиряя ихъ, то система самого Гегеля въ свою очередь опречается движеніемъ духа къ конкретному существованію. Проявленіе этого движенія Герценъ ищетъ у французскихъ соціалистовъ. Онъ сильно симпатизируетъ фурьеризму, но идеалъ фаланстеры признаетъ слишкомъ узкимъ. Онъ болѣе склоняется къ идеямъ Луи Блана и приходитъ къ біологической концепціи государства, какъ къ

центральной кѣлочкѣ коллективнаго общественнаго организма, обусловливающей все его функционированіе. Герценъ рисуеъ себѣ въ этотъ періодъ своего развитія идеаль общественнаго устройства, какъ совокупность ассоціацій подъ опекающей ихъ властью государства на основѣ гармоническаго сочетанія индивидуальной и коллективной собственности, капитала и труда. Онъ отвергаетъ коммунизмъ, ибо не можетъ принять принесенія индивидуума въ жертву экономической нивеллировкѣ.

Таковы были идеалы Герцена передъ отъѣздомъ за-границу въ 1847 году

Непосредственное наблюденіе за событіями революціи 1848 г. и разочарованія, вызванныя исходомъ этихъ событій, приводятъ Герцена къ анархизму. Онъ отбрасываетъ прежнюю свою концепцію авторитарнаго и сувереннаго государства. Изъ событій 1848 г. онъ извлекаетъ то заключеніе, что государство, — будь оно монархическимъ или республиканскимъ, -- всегда направлено къ подавленію свободы. Теперь Герценъ стоитъ за превращеніе государства въ простую федерацію ассоціацій. На краткое время онъ становится приверженцемъ насильственнаго переворота съ цѣлью разрушенія современнаго государства. То было слѣдствіемъ его бурныхъ негодующихъ настроеній подъ влияніемъ текущихъ событій. Но когда взрывъ негодованія утихнулъ, его теоретическія предпосылки вступили въ свои права и онъ твердо становится на ту точку зрѣнія, что анархическій федерализмъ можетъ народиться лишь въ результатѣ долгой эволюціи сознанія отдѣльныхъ людей и путемъ къ этому результату должна служить настойчивая философская пропаганда, подвергающаяся критическому опроверженію всѣхъ человѣческіе предрисудки, всѣ завѣщанныя прошлымъ традиціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что европейскій западъ уже безсильнъ открыть для человѣчества новыя жизненныя перспективы и что будущность въ этомъ отношеніи принадлежитъ Россіи, гдѣ сельская община заключаетъ въ себѣ эмбрионъ социалистическаго строя. Уповація на Россію и разочарованіе въ Западѣ сближаетъ Герцена съ славянофилами, но вовсе не приводитъ его въ славянофильскій лагерь. Онъ зоветъ Россію не къ возвращенію къ допетровской старинѣ, не назадъ, а впередъ и полагаетъ, что русскій первобытный аграрный коллективизмъ можетъ расцвѣсть и положить начало перерожденію человѣчества лишь въ томъ случаѣ, если онъ сумѣетъ сочетаться съ западно-европейскимъ началомъ индивидуализма и кромѣ того высвободиться изъ-подъ ига чуждаго его жизненнымъ принципамъ маризма.

Въ «Полярной Звѣздѣ» и въ «Колоколѣ» Герценъ, ратуя за отмену крѣпостнаго права съ сохраненіемъ общины и міра и съ надѣленіемъ крестьянъ землей, мѣняетъ тактическія позиціи примѣнительно къ ходу событій, но въ основѣ онъ все время не упускаетъ изъ виду общій смыслъ вышензложенной доктрины, и г. Лабри подчеркива-

еть, что Герценъ въ тоже время ослѣпаетъ москвичомъ-гегельянцемъ. Онъ не принятъ ни марксизма, ни дарвиновскаго эволюціонизма. Для него по-прежнему разумъ остается руководящимъ началомъ развитія человѣчества. Прогрессъ направляется сознаниемъ людей. Подъ конецъ жизни такъ же, какъ и въ пору формированія своего міровоззрѣнія три господствующія идеи кладетъ онъ въ основу всѣхъ своихъ умозаключеній: 1) Всякое явленіе есть результатъ взаимодействія противоположныхъ силъ; 2) всякое явленіе есть часть органическаго ряда, въ которомъ каждая низшая ступень есть одновременно и условіе и интегральная часть слѣдующей за ней высшей ступени и 3) сознаніе человѣка, воспитанное соціальной жизнью, вноситъ въ міръ причинности начало выбора и этимъ достигается сочетаніе необходимости и свободы. Это — тѣ самыя идеи, которыя сложились у Герцена еще въ эпоху его студенческихъ философскихъ занятій. Общій ходъ развитія міровоззрѣнія Герцена г. Лабри резюмируетъ такъ: время первоисточниками этого міровоззрѣнія служили — изученіе естественныхъ наукъ, Шеллингъ и Сентъ-Симонъ; эти три источника слились затѣмъ въ величественный потокъ гегельянско-философской системы, который привелъ его въ концѣ концовъ къ научному позитивизму. Постоянное стремленіе Герцена проникнуться методомъ и мыслью Гегеля для объединенія идеализма и матеріализма, свободы человѣческаго духа и детерминизма, въ процессъ діалектическаго развитія, по мнѣнію Лабри, сближаетъ Герцена съ Жоресомъ и Лабри готовъ назвать Герцена — «русскимъ Жоресомъ». Отмѣчая, какъ характерную черту всѣхъ умственныхъ исканій Герцена, постоянное его стремленіе къ синтезу противоположностей, г. Лабри заключаетъ свою солидную книгу неожиданнымъ и совѣмъ уже не солиднымъ замѣчаніемъ. Лабри находигь, что современный большевицкій строй есть осуществленіе Герценовскаго идеала, ибо Ленинскій «Нэпъ» есть не что иное, какъ начало реализаціи предсказаннаго Герценомъ синтеза народничества и марксизма, либерально-федералистическаго деревенскаго социализма и централистически-принудительнаго рабочаго социализма. Тутъ приходится только вздохнуть и руками развести. О Ленинскомъ «Нэпѣ» и его результатахъ г. Лабри очевидно имѣетъ самое превратное представленіе, да и Герцена онъ тутъ напрасно обидѣлъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что зрѣлище большевицкаго деспотизма вызвало бы у Герцена лишь новый крикъ душевной боли и бурнаго негодованія.

Вторая книга г. Лабри заключаетъ въ себѣ очеркъ жизненныхъ и идеологическихъ соотношеній и связей Герцена и Прудона. Авторъ наряду съ прежними матеріалами использовалъ и новыя данныя изъ недавно опубликованныхъ г. Мендельсономъ писемъ Герцена, ранѣе бывшихъ неизвѣстными. Авторъ приходитъ къ заключенію, что Герценъ и Прудонъ имѣли много общаго въ строѣ своихъ идей, хотя во многихъ очень существенныхъ пунктахъ ихъ пути расходились въ разныя стороны. Пройдя очень сходную дорогу въ эволюціи сво-

ихъ возрѣній и одинаково прийдя въ результатѣ къ анархическому идеалу, они по разному понимали условія его осуществленія. Необходимыми предварительными условіями Герценъ считалъ замѣну монархій республиками и установленіе режима политической свободы и наряду съ этимъ философскую пропаганду, направленную на разрушеніе всякихъ проявленій принципа принудительнаго авторитета въ государственномъ строѣ, въ семьѣ, въ экономической жизни. А Прудонъ ключъ къ разрѣшенію основной проблемы усматривалъ въ реорганизациіи экономическихъ и финансовыхъ отношеній, въ расширеніи договорнаго начала на всѣ области производства и потребления, въ созданіи «всемирнаго банка». Герценъ настаивалъ на важности чисто политическихъ предпосылокъ для достиженія социальнаго идеала. Прудонъ исходилъ отъ того положенія, что экономика господствуетъ надъ политикой. И г. Лабри показываетъ, какъ именно къ этому пункту восходили всѣ разногласія этихъ двухъ столь близкихъ другъ къ другу мыслителей.

Книги г. Лабри заслуживаютъ полнаго вниманія. Они содержательны, солидно документированы, и даютъ вдумчиво очерченную картину эволюціи міровоззрѣній Герцена.

А. Кизеветтеръ.

П. М. Бицилли. Очерки теоріи исторической науки. Прага, 1925, стр. 338.

Книга П. М. Бицилли, подобно цѣлому ряду работъ русскихъ авторовъ, вышедшихъ за послѣдніе годы, посвящена философскому осмысленію исторической науки. Но ея рѣзкое отличіе отъ иныхъ попытокъ «осмысленія» то, что возможность такого осмысленія исторіи, какое дается какъ наз. «философіей исторіи», авторомъ совершенно отрицается. Болѣе того — въ этомъ отрицаніи, пожалуй, центральная тема книги.

Но, надо признаться, уловить основную тему автора (или нѣсколько основныхъ его темъ) не легко. Чтобы не останавливаться въ дальнейшемъ надъ «недостатками» книги (которыя для книги съ поистинѣ существенною темой — весьма второстепенная и несущественная сторона), укажемъ здѣсь на тотъ основной недостатокъ книги П. М. Бицилли, изъ котораго вытекаетъ и неувловимость ея основной темы. Бываютъ книги, написанныя для «учащихся», бывають — написанныя для читателей, для издателя, для автора самого (послѣднія — отнюдь не изъ худшихъ книгъ); въ сферы культуры — обычно — книги, написанныя для почитателей. Книга Бицилли написана неизвѣстно для кого! Много сказано такого, что совершенно ясно и понятно и автору, и всякому возможному читателю, и нужно только для «ученика», съ другой стороны — авторъ не страшится такихъ страницъ, которыя не только для учащагося, но и для всякаго мыслимаго читателя остаются только намеками и «символами» какихъ-то (?) темъ. Въ книгѣ есть — необычная для темы («теорія исторической науки», а не «историческаго процесса») и для наукообразной формы книги «вулканичность». Но авторомъ самимъ эта «вулканичность» какъ будто не замѣчена, въ по-